

В светских кругах все знали: у графа Августина не было ни детей, ни любовниц.

Случай по тем временам исключительный. Нынче редкий аристократ не заводил двух-трех содержанок из числа великосветских кокеток, одна краше другой.

Граф же упорно держался особняком, и в его окружении не мелькало даже тени женщины.

Богатый и знатный холостяк — партия желанная для любого дома. Неудивительно, что граф Камберленд, часто бывавший у Августина, вознамерился выдать за него свою сестру и не раз прозрачно намекал на это в частных беседах.

Но Августин пропускал его слова мимо ушей. К изнеженной мисс Камберленд он оставался подчеркнуто равнодушен, ни разу не удостоив бедняжку даже мимолетным взглядом.

Камберленд только досадно качал головой, пока супруга не подала ему мысль:

— Пригласи Августина к нам в поместье. Он ведь затворник, чужих домов почти не навещает и просто не ведает, какое это счастье — семья и дети.

В этих словах крылась доля истины. У Камберлендов как раз недавно родился сын, еще не принявший крещение. Граф ласково потрепал по щечке младенца, сладко спавшего на руках у няни.

На следующий же день Августин получил приглашение и прибыл в поместье Камберленд.

Тогда он впервые в жизни увидел младенца.

Малыш оказался совсем не похож на херувимов с церковных фресок. Этот крошечный, хрупкий комочек показался Августину куда прелестнее и чище любого нарисованного младенца-Христа. Дитя спало в колыбели так безмятежно, а дыхание его было настолько эфемерным, что графу пришлось поднести пальцы к крошечному носику, чтобы убедиться — ребенок дышит.

Он долго не мог отвести взгляда. Заметив это, графиня переглянулась с мужем и с мягкой улыбкой предложила гостю взять малютку на руки.

Августин растерянно нахмурился:

— Мне дозволено?

— Разумеется, — графиня улыбнулась еще теплее и бережно переложила младенца.

Заметив, как грозный граф мгновенно окаменел, словно изваяние, не зная, куда пристроить свои руки, она тихо подсказала:

— Придерживайте его под спинку. Вот так.

Теплый, невесомый сверток пах парным молоком и казался настолько хрупким, что мог растаять от одного неосторожного прикосновения. Шея у младенца была тоненькой, а крошечные пальчики — не длиннее ногтя на большом пальце графа.

Августину потребовалось время, чтобы приноровиться и осторожно, едва заметно покачать малютку. Дитя доверчиво прижалось щекой к его груди, продолжая сладко спать.

— Наш маленький милорд Нолан на редкость спокоен, — прошептала стоявшая поодаль няня.
— Почти не плачет, покушает и сразу в сон...

Графиня тихонько рассмеялась, внимательно наблюдая за лицом Августина.

— Кажется, наш малютка пришелся вам по душе, — заметила она через некоторое время. — У Нолана еще нет крестного отца. Если вы, конечно, не сочтете это за дерзость...

Граф Августин замер. Сам Камберленд ни на что особо не рассчитывал: все знали суровый, нелюдимый нрав этого человека. Прославленный полководец, не склонявший головы даже перед монархами, вряд ли пожелал бы связывать себя узами кумовства.

Однако Августин, не отрывая взгляда от безмятежного личика в своих руках, тихо, но твердо произнес:

— Хорошо.

Супруги Камберленд опешили:

— То есть вы...

— Да, — повторил Августин и осторожно коснулся крошечных пальчиков младенца. — Я стану его крестным.

С того дня у графа Августина появился крестник.

Это дитя значило для него куда больше, чем весь остальной мир. Рано лишившись родителей,

Августин рос один, без ласки и тепла. Годы беспрестанных войн на службе у короны покрыли его имя славой, но и запятнали руки кровью. В глазах света он прослыл безжалостным палачом; люди страшились его, преклонялись перед его богатством и титулом, но никто не любил его самого.

Если ему и суждено было узнать, что такое привязанность, то лишь благодаря этому невинному, не знающему зла существу. Граф стал частым гостем в поместье Камберленд. Он привозил мальчику редкие диковины и часами просиживал в детской. Сам хозяин дома качал головой, признавая, что они с супругой уделяют сыну куда меньше внимания: в те времена аристократы едва ли выкраивали час в день для общения с отпрысками, тогда как Августин готов был не отходить от колыбели.

С тайным трепетом граф следил за тем, как мальчик подрастает, делает первые шаги и несмело лепечет первые слова. Когда Нолан, смешно покачиваясь, бежал навстречу и утыкался ему в колени, Августину хватало одного легкого объятия, чтобы укрыть ребенка от всего мира.

В его сердце жило лишь одно сожаление: этот ребенок ему не принадлежал.

«И как у него может кто-то появиться? — угрюмо размышлял Августин, провожая взглядом своего воспитанника. — Мой мальчик... Мой Нолан должен любить только меня одного».

Другие дети его не интересовали. Будь они хоть трижды миловидны или смышлены, Августину был нужен только Нолан. Он отчаянно жаждал стать для него самым дорогим существом на свете.

Но у мальчика оставались отец и мать.

Все переменилось глубокой ночью, когда Нолану исполнилось пять лет. В ворота поместья Августина постучал обезумевший от страха слуга. В поместье Камберленд вспыхнул пожар; графине не удалось спастись из огня, поместье погрузилось в хаос, и перепуганного наследника решили спешно укрыть у крестного.

Мальчик стоял на пороге, судорожно прижимая к груди деревянную игрушку, которую смастерил для него Августин. Личико его побледнело от ужаса, но он упрямо сдерживал слезы. И лишь завидев крестного, ребенок бросился к нему, спрятал лицо в складках его дорожного плаща и жалобно разрыдался:

— Крестный...

Августин ласково гладил его по спине, борясь со странным, пугающим чувством облегчения, которое шевельнулось на дне его души.

Граф не отпустил мальчика обратно, оставив жить в своем поместье. А когда месяц спустя граф Камберленд скоропостижно скончался от застарелого недуга, преследовавшего их род, Нолану и вовсе некуда стало возвращаться.

Августин вырастил его сам.

На его глазах хрупкий ребенок превращался в изящного юношу. Мрачное поместье наполнилось смехом и жизнью. Нолан с каждым годом хорошел, и Августин ловил себя на том, что смотрит на воспитанника совсем иным взглядом.

То были лишь первые, едва заметные ростки чувства, в котором крёстный отец страшился признаться даже самому себе.

Он понимал, что безумно любит Нолана. Но какова была природа этой любви и где пролегла ее черта, Августин определить не мог.

К совершеннолетию Нолана граф устроил пышный прием — небывалое событие для его уединенного поместья. Юноша держался с безупречным изяществом, пленяя гостей умом и тонким остроумием. Празднество еще не подошло к концу, а к Августину уже подходили приглашенные, вкрадчиво расспрашивая, не занято ли сердце молодого Камберленда.

От этих праздных расспросов на душе у графа сделалось невыносимо скверно, точно он раскусил незрелую оливу. Горечь разлилась во рту и комом встала в горле.

— Разумеется, нет, — холодно отрезал он.

— Откуда у вас такая уверенность? — не унимался собеседник. — В его лета кровь играет, самое время для сердечных увлечений...

— Я сказал — нет, — оборвал его граф ледяным тоном, не терпящим возражений.

Резкий ответ заставил навязчивого гостя смешаться; обиженно пробормотав извинения, тот поспешил ретироваться.

Заметив, как помрачнел крестный, одиноко стоящий у окна, Нолан оставил гостей и подошел ближе.

— Тебе нездоровится? — тихо спросил юноша, с тревогой вглядываясь в его бледное лицо. — Ты весь вечер ничего не ел. Хочешь, я принесу воды?

Нолан сам принес бокал с водой. Августин не испытывал жажды, но отказаться от заботы любимого мальчика не мог. Он протянул руку, чтобы взять кубок, и вдруг замер. На

внутренней стороне запястья юноши явственно проступала синюшная полоса, похожая на крошечную змейку, свившуюся прямо над веной.

Августин резко перехватил его руку:

— Что это у тебя?

Нолан скользнул взглядом по своей руке и беспечно пожал плечами:

— Пустяки, должно быть, ушибся где-то. Послушай, крестн...

Он осекся, наткнувшись на безумный, полный ужаса взгляд Августина. Таким своего опекуна он не видел никогда.

Граф не остался в зале ни секунды. Бросив гостей, он стремительно покинул прием и велел немедленно вызвать семейного лекаря.

«Я помню... — стучало в его висках. — Перед тем как слечь, старый граф Камберленд ходил с точно такими же темными полосами на руках».

Доктор осмотрел Нолана на следующий день, обставив свой визит как обычный профилактический осмотр.

— Боюсь, молодой милорд не протянет и года, — вынес приговор лекарь, качая головой. — Увы, никакие снадобья и лучший уход здесь не помогут. Болезнь слишком глубоко пустила корни.

Проклятие плоти, передающееся из поколения в поколение, не поддавалось земной медицине. В святой церкви подобные недуги именовали не иначе как клеймом дьявола.

Дыхание Августина перехватило, грудь тяжело вздымалась, но он не произнес ни слова.

Врач лишь сочувственно развел руками:

— Мой долг — предупредить вас, ваша светлость. Будет благоразумно уже сейчас начать приготовления к... к худшему.

«Погребение... — эхом отозвалось в разуме графа. — Какое еще погребение? Я не позволю закопать его в землю!»

«Мой мальчик... Он едва расцвел, он наконец принадлежит только мне! Как я могу позволить червям сожрать эту нежную плоть в дубовом гробу?»

Граф лишился сна. Глубокой ночью он приходил в опочивальню Нолана и часами стоял у изголовья постели, держа в руке подсвечник. Дрожащий огонек свечи озарял прекрасное, безмятежное лицо спящего юноши, на которое Августин взирал с безумным, исступленным обожанием.

Просыпаясь и видя крестного, Нолан не пугался — Августин был для него самым близким человеком на свете. Но в его глазах читалось недоумение:

— Крестный?.. Что-то случилось?

Граф молча проводил прохладной ладонью по его лбу, убирая со лба прядь волос.

Именно тогда в его душе созрело страшное решение.

Если Бог и Его церковь бессильны спасти Нолана, он обратится к силам преисподней.

Месяцы тайных поисков привели его к безумному крестьянину, одержимому нечистым духом. Выведав у него ритуал, Августин вернулся в поместье. Дворецкий Росс помог ему начертить на полу ритуальной кровью призывный круг. В полночь, когда слуги спали, граф остался в зале один, вглядываясь в багровое свечение оккультных знаков.

Прошло немало времени, прежде чем из клубящейся тьмы донесся ленивый, вкрадчивый голос:

— Так это ты тревожишь мой покой, смертный?

— Да, — твердо ответил граф.

— Чего же ты жаждешь взамен своей души?

— Я хочу, чтобы мой крестник жил, — ледяным тоном произнес Августин.

— О, здесь я бессилен, — приторно-сладко пропел демон. — Что в твоём понимании значит «жить»?

Из центра пентаграммы медленно соткался силуэт. Августину хватило одного взгляда, чтобы понять: перед ним не живое существо. Кожа прищельца лоснилась мертвенной бледностью, грудь не вздымалась от дыхания, а на шее багровел грубый шов, из которого сиротливо торчал длинный обрывок черной нитки.

И все же существо вполне изящно склонилось в поклоне и заговорило совершенно обычным,

учтивым тоном:

— Приветствую вас, милорд.

— Тебе нужна такая жизнь? — шелестел во тьме голос искусителя. — Я могу превратить твоего мальчика в подобный шедевр. Он никогда не истлеет, не познает старости и увядания. Даже через тысячу лет он останется точно таким же, как сейчас. Но за великий дар положена скромная плата. Видишь ли, мне безумно нравятся глаза твоего херувима. И его чистая душа мне тоже по нраву...

В полумраке вспыхнули два налитых кровью демонических ока. Августин не знал, что эти багровые бельма уже не раз проступали на обоях в спальне Нолана, плотоядно ощупывая взглядом спящего юношу. Демон жаждал завладеть этой редкой драгоценностью, поглотить ее целиком без остатка.

— Но если мой новый любимец вздумает капризничать и откажется повиноваться... — оскалился демон, — тогда он безраздельно достанется мне.

Граф на мгновение зажмурился, справляясь с дрожью в голосе, и выдохнул:

— Согласен.

— Прекрасно! — протянул демон с довольным смешком. — Однако мне потребуется еще кое-что. Признаться, я слишком давно не создавал подобные марионетки и немного растерял сноровку. Мне нужен живой материал, дабы набить руку. Предоставишь мне кого-нибудь для опытов?

Демон говорил о человеческих жизнях с будничным равнодушием мясника, выбирающего скотину на убой.

Губы графа тронула бледная, горькая усмешка:

— Начни с меня.

Тварь опешила — подобной щедрости от смертных она не ожидала:

— С тебя?

— С меня, — твердо повторил Августин. — Мое тело станет твоим холстом.

— И с меня тоже, — раздался из темноты тихий, но уверенный голос.

Щелкнуло кресало, и крошечный язычок пламени озарил лицо верного Росса. Дворецкий медленно спустился по ступеням, держа в руках свечу. В его глазах горела какая-то фанатичная, преданная решимость.

— Ради молодого господина я готов пойти на любые муки. Возьмите и мое тело.

Он приблизился к алтарю и умоляюще посмотрел на хозяина:

— Позвольте мне разделить эту участь, милорд.

Двое мужчин без колебаний шагнули в очерченный кровью круг и легли на холодные плиты пола.

— О, обещаю, из твоего крестника выйдет прелестнейшая марионетка! — ворковал демон, острыми когтями медленно, нить за нитью, извлекая их теплую плоть и кровь. — Он создан для венца. Готов поспорить, в подвенечном платье этот мальчик затмит любую красавицу.

Напевая под нос незамысловатый мотивчик, чудище достало тончайшую иглу и моток черных ниток:

— Нам понадобятся услуги лучшего портного и самый нежный, самый мягкий шелк для набивки...

Чувствуя, как его собственное тело безвозвратно меняется, превращаясь в послушную марионетку, граф обреченно закрыл глаза и прошептал:

— Он... очень боится боли. Сделай все осторожно.

Демон тихо, ласково рассмеялся:

— Не тревожься, глупый смертный. Ради такого сокровища я пущу в ход свои клыки. Обещаю, он даже ничего не почувствует, когда станет моей невестой.

«Что ж, пускай так... — устало подумал Августин, проваливаясь в спасительную тьму. — Так будет лучше для него».

«Когда этот день настанет, я сам скажу ему, чтобы он не боялся... Больно не будет».

А когда они вновь откроют глаза, то станут одной семьей — вечными, нетленными марионетками, которых время больше не сможет коснуться.

<http://bllate.org/book/18984/1908038>